

Борис Фаллический!

Многие из читателей этих путевых заметок, вероятно, слышали, что Русь не так давно представила миру величайшее достижение скульпторского искусства, демонстрирующее не только смелый полёт дизайнерской модернистической мысли, превосходящей лучшие креативные образцы греко-византийского сюрреализма, но и имеющее, как оказалось, глубокие культурные и духовные корни.

Шедевром, имеющим полнейшее право называться восьмым чудом света, стал памятник Великому Князю Борису, открытый у него на родине - в стольном граде Княжества Рифейского. Однако сразу же после открытия памятник стал странным культовым сооружением, около которого нередко можно было наблюдать холодными рифейскими ночами массовые действия каких-то сомнительных личностей, о происхождении и целях коих никому ничего известно не было. Беспокойства они никому не доставляли, но их вид мог вызвать настоящее смятение души: выстраиваясь возле памятника длинными шеренгами, они принимались поочерёдно произносить невнятные речи, о смысле которых догадывались, по-видимому только они сами. Произнеся очередную безумную речь, каждый из участников культа удалялся в конец шеренги, а тот, кто оказывался в шеренге первым, начинал снова произносить речь, вроде бы и не повторяющуюся, но столь же невнятную и неразборчивую. А наутро на месте обряда некоторые жители города замечали терпкий и долго не выветриваемый запах перегара.

Впрочем, это всё были лишь слухи да домыслы. Правды же никто не знал, за исключением, разве что, этих самих культистов. В первое время журналисты пытались заставить большой свет обратить внимание на возникшую проблему. Однако вскоре выяснилось, что, никому не мешая, культисты ни у кого, кроме журналистов, похоже, не вызывали интереса. Городовой упорно не замечал их присутствия, а стража города обрядовыми ночами упорно старалась обходить стороной место проведения ритуала.

В конечном итоге власти, кажется, добились того, чего хотели - о культистах забыли почти все, хотя эти странные люди всегда оставались на виду. Ключевое слово здесь - почти. Периодически всё же находились безумцы, пытавшиеся разгадать смысл культа, однако все их попытки ни к чему не приводили - ни об одном из этих бедолаг больше никто ничего не слышал. Не могу судить однозначно, что с

ними там происходило - на ум приходит бесконечное множество вариантов, однако же ни один из них не имеет под собой достаточно оснований для того, чтобы считаться правдой или даже истиной в последней инстанции...тем более - истиной в последней инстанции. Очень странно.

Эта загадка терзала меня с самого её появления на свет, и тогда я всё-таки отважился совершить безумный поступок и отправиться в стольный город Княжества Рифейского, дабы самолично узреть всю правду о культистах Великого новогодского князя Бориса. Думаю, не будет лишней небольшая историческая справка специально для молодёжи, не знающей истории родного края и не заставшей период княжения Бориса, прозванного Фаллическим за свою неуёмную деятельную энергию, вероятно, имеющую первооснову в архетипическом символе плодородия и жизни. Впрочем, мне удалось выяснить, что не только поэтому. Но - обо всём по порядку.

Происходил князь Борис из знатного рода Пихтиных, помазанных на княжение ещё самим Рюриком, и поэтому имевшего полное право претендовать на верховодящую власть на Руси. Родители Бориса занимались пчеловодством и отстроили себе передвижную пчеловодную будку размером с небольшой дворец, где будущему Великому Князю и суждено было появиться на свет. В том, что Борис родился в будке, многие последователи восточно-христианского культа увидели предзнаменование, по аналогии соотнеся его с Иисусом, родившимся, по их легендам, в яслях с агнецами. Восточно-христианские проповедующие аскеты начали было уже предрекать Борису великое будущее, практически канонизируя его, но официальная Церковь Зевса наложила вето на монашеское пророчество, заявив, что ожидающее его большое будущее и так очевидно, а поэтому не требует никаких предсказаний. А несогласным намекнули, что гром и молния, дескать, тоже не дремлют.

Когда Борис Пихтин подрос, он покинул родительскую будку и перебрался поближе к дипломатическим баталиям и интригам других боярских родов - в стольный город Рифейского Княжества. Очень быстро молодой княжич основал своё дело и с неистовым рвением принялся за производство свёрл. Сказывают, что эта идея пришла ему в голову не просто так - Борис всего лишь выполнял указания в равной степени могущественной и таинственной поддержки. Правда это или нет, но факт в том, что постепенно завод по производству свёрл стал главным градообразующим предприятием, а торговля была налажена со всеми основными странами мира - Фракией, Галлией, Пруссией,

Атлантидой, Римской Конфедерацией и Византией - на Западе, Манчжурским Доминионом, Брахманией, Тибетом и Шамбалой - на Востоке, с Гипербореей - на севере, а также в исключительном порядке с Левосторонним Нагвалистаном - аж за Атлантикой. Именно тогда и было принято решение переименовать стольный город княжества в Сверлоград - в честь производства, составляющего основу экономики города. Конечно, немалую часть дохода приносили и демидовские механические плавильни, установленные в районе города, названном Рифеймехом, но свёрла оказались всё-таки главнее.

Борис Пихтин сделал себе красивую и быструю номенклатурную карьеру, взрастая вверх по ступенькам общегосударственного Табеля о рангах. Но даже заступая впоследствии на Великое княжение в Новгороде, он поклялся в вечной преданности своим лучшим друзьям и соратникам - на эти слова тогда никто не обратил внимания. А зря.

Позвольте мне не утомлять читателя скучными подробностями тех трёх суток, которые мне довелось провести в дороге, однако замечу, что к концу пути и люди, с которыми мне довелось ехать, и лошади, которым довелось нас всех везти, были утомлены примерно в равной степени. На каждой русской колдобине наш дилижанс подскакивал, как сумасшедший, поэтому неспешная поездка казалась участием в не в меру затянувшихся скачках.

Остановившись, наконец, в одном из постоянных дворов Сверлограда и хорошенько навернув в местной харчевне кусок пирога из местного же осетра, запивая клюквенным квасом, я решил развеяться после поездки и немного прогуляться пешком по городу.

Высокие многоэтажные купеческие и боярские деревянные терема с красочными коньками и петушками на крышах оставляли вполне приятное столичное впечатление, а фонтаны, воду для которых закачивали мулы, шагающие по кругу где-то снизу, добавляли городу щепотку почти что столичного, Новгородского благородства. Я уже почти добрался до центра, шагая по берегу протекающей через город речки Иудочки, как заприметил любопытное сооружение - харчевню, переделанную из стоящего у причала старого корабля. То ли интуиция, то ли просто праздное любопытство не позволили мне пройти мимо этого заведения - в конечном счёте, я ведь и приехал сюда, чтобы совать свой нос куда следует и куда не очень.

А раз уж я взялся расследовать дело о культистах князя Бориса - то нос следует совать вдвое чаще и вдвое дальше - благо, масштабы города способствовали большому разнообразию даже для самого дикошарого дуралея. Такого, как, к примеру, герой одной популярной книжки про

приключения в стольном Новгороде недоросли Иванушки-дурачка, являвшегося, по совместительству, ещё и неучем. Он конечно же, нашел, чем себя занять - гулял, танцевал под трели менестрелей, хмельное по кабакам пивал да с девками продажными водился. Очень популярная книжка. Просто до чёртиков, какая популярная! “Охотник во чистом поле”, кажется, называется. Однако же, неучем и тем более, недорослем, я давно уж никак не был, да и цели визита, к счастью, были несколько более возвышенные.

В харчевне на воде было довольно-таки многолюдно. Станным мне показалось то, что вся эта толпа была одета практически одинаково - в невзрачные бежевые комбинезоны не только сковывающие движения, но и сглаживающие все возможные формы тела так, что каждый человек становился похож не то на белесую личинку пчелы, не то на прыгающую на остром конце шпикачку.

Если такой покроем и являлся униформой какой-нибудь из категорий государственных служащих, то, поверьте, я искренне сочувствую этим служащим, поскольку придумать комбинезоны подобного вида модельеры могли исключительно из чистого садизма. Да и носить их можно было только из чистого мазохизма, на мой взгляд. Когда я зашёл, все эти бежевые упыри покосились на меня, выражая одновременно нечто среднее между сомнением, недоверием и непониманием.

Хоть я и был не голоден, но не удержался от плошки кислых щей, горшочка пареной брюквы с хреном и крынки молока. К тому же меня раздрало любопытство, а сидеть и просто так наблюдать - было бы чрезвычайно подозрительно. А тут сразу всё становится на свои места - сидит человек, кушает, стало быть, просто пообедать зашёл.

Люди-шпикачки тоже обедали. Станным казалось и то, что все они, повидимому, как-то общались - у них менялось выражение лиц, взглядов, они трясли и крутили головой - но при этом не произнося ни слова. Необычным было и блюдо - они все ели куличи, формой напоминавшие их самих. В обществе этих чудаков мне стало настолько неуютно, что, собравшись с мыслями, решил поскорее убраться из этого довольно необычного места. Шпикачки, по-видимому, не отличаются особым гостеприимством, а когда люди становятся такими вот “шпикачками”, то приобретают в наследство те же самые угрюмость и негостеприимство.

Минут через десять я был практически у цели своего путешествия. Взору предстал княжий замок из мрамора, похожий на торчащий вверх единственный из уцелевших от старости зуб Земли, рядом значились хоромы вечерной избы и басурманский ночлежный дом, выстроенный в

форме полумесяца. Вокруг высились жилые многоярусные терема, отстроенные из благородных дуба и орешника для знатных сверлоградцев. На берегу стояла культурная Землянка Гильдии Лицедеев, а сразу за ней поскрипывал тросами перекинутый через Иудочку подвесной мост, ведущий напрямиком к старой ветряной мельнице. Мельница почернела от времени, лопасти практически рассыпались, дерево растрескалось - видно было, что постройка давно уже отжила своё. Чуть поодаль справа от мельницы высились шпили с изображением молний и отражали солнечный свет белоснежные колонны Храма Зевса.

Вдоволь налюбовавшись представшим пейзажем, я прошёл чуть дальше - на Пихтинную улицу, названную так в честь Великого Князя. И практически сразу же он предстал передо мной, можно сказать, собственной персоной - и во всём великолепии, точно отразившем и раскрывшим внутреннюю суть этого правителя. Я аж прослезился - это ж надо, вот так, сразу - взять и увидеть одно из Чудес Света!

Мемориал представлял стилизованное, но вполне явственное изображение фаллоса, под которым на постаменте значилось единственное слово, написанное крупными заглавными буквами: "ПИХТИН". Лишь очень хорошо приглядевшись, можно было различить, как на поверхности мраморного фаллоса проступают смутные черты облика князя, очерченные рублеными пропорциями, словно вписываясь в одному лишь скульптору известные геометрические фигуры в соответствии с передовыми креативными идеями поздневизантийского кубизма и фракийского-варяжского примитивизма.

Осмотрев памятник со всех сторон и не обнаружив на нём никаких следов действий культистов, я решил наведаться сюда ночью, а до ночи не мешало бы хорошенько выспаться в комнатке на постоялом дворе. Длительная поездка и последовавшая прогулка способствовали тому, что я буквально валился с ног от усталости.

Когда я проснулся, было уже далеко за полночь. На улице было довольно светло от тысяч свечей и керосиновых фонарей, так что весь Сверлоград казался залитым солнечным сиянием в момент затмения. У обочины дороги стояло несколько повозок. Ямщики в них мирно дремали. Выбрав повозку более свежего и солидного вида, я принялся будить ямщика.

- И кудыть тебя несёт в ночи-то, сынок? Что-й ет вам всем не спиться...эх, молодёжь...

- А доставь-ка меня к Землянке Лицедеев, да поживее, серебряный

полтиник даю, - сказал я ямщику.

- Что, среди ночи прямолицедем стать решил? Ну, ну...что ж из вас всё чаще скоморохи получаются...

С этими словами ямщик угрюмо умолк, а я, естественно, цели своей поездки раскрывать не собирался, так мы и ехали всю дорогу в полусонном молчании по ночному городу. Место высадки я выбрал не случайно - и впрямь, не высаживаться же мне напрямиком возле памятника, особенно если там решат собраться культисты. Прокравшись за один из теремов, я занял такую позицию в тени, из которой мне прекрасно было видно освещённую площадку перед фаллическим памятником, а меня, с другой стороны, видеть не мог никто.

У памятника стояло несколько человек - и подходили всё новые. В руках у одного из людей был какой-то чудной бежевый свёрток, он вынимал что-то из этого свёртка и раздавал каждому подходящему. Очевидно, это и были те самые жутко неудобные комбинезоны, после надевания которых люди превращаются в шпикачки. Толпа, тем временем, всё разрасталась и разрасталась, постепенно ошпикачиваясь.

Складывалось впечатление, что придти сюда может любой. Решился и я испытать свою судьбу. Подойдя к раздающему комбинезоны культисту, я молча кивнул и указал на комбинезон, который тут же и получил без лишнего вопросов. Влиться в их ряды и затеряться в их толпе оказалось даже гораздо проще, чем я предполагал изначально. Кто знает, быть может это и есть тот самый рецепт их безумной популярности? И, возможно, каждый сверлоградец участвовал в проводимых здесь обрядах, а потому все и помалкивают. Это же какая сенсация! Целый город культистов! Да ещё и стольный.

Комбинезон в действии оказался вовсе не таким неудобным, каким он казался снаружи, несмотря на схожесть с окуклившимся тутовым шелкопрядом, он скорее создавал чувство тепла и уюта, чем сковывал движения.

Наконец, когда толпа перестала пребывать, человек, раздававший комбинезоны, встал прямо под памятником и начал толкать свою речь: "Братия и сестры! Мы все собрались здесь, дабы осознать великое значение животворящего начала в прошлом, настоящем и будущем нашей страны. Единственным целостным олицетворением во всей своей сущности этой силы был наш пророк, основатель и предводитель - Великий Князь Борис Пихтин. Наша цель сейчас - совместными усилиями слиться с миром идей, и, отыскав в нём архетип Фаллоса, полностью отождествить свою и его природу, осознав, что каждый из

нас изначально таковым и является - и остаётся до окончания своих дней. Гений автора скульптуры в том, что он, как и мы, понимает, что это князь являет миру свою истинную природу, сквозь смутные и как бы фальшивые человеческие очертания проступает неприкрытая фаллическая истина. Тогда как обыватель склонен считать, что, наоборот, это князь Борис проступает из стелы, тем самым превознося его облик над его естеством. Каждый из нас должен перевернуть своё представление об устройстве реальности - увы, сколь бы огорчительным или даже оскорбительным не казалось бы нам это утверждение, но, по сути своей, природа такова не только у князя Бориса, но и у каждого человека, ибо всякий являет собой ложные человеческие черты, складывающиеся иллюзией несовершенного восприятия в виде несуществующей надстройки над действительным естеством человека - его фаллической природой. И комбинезоны, которые были подарены всем вам, здесь присутствующим, призваны максимально приблизить вас к пониманию этой простой, но, тем не менее, чрезвычайно важной и непреложной человеческой истины. Мы должны стараться обрести через это осознание настоящую свободу, прочувствовать своё единство с Вселенским первоисточком не только умом, но и всеми фибрами животрепещущей души и - как следствие - повторить подвиг человека, которому посчастливилось уже при жизни стать Фаллосом с большой буквы. И человек этот...а ну-ка все хором: “Борис Пихтин!”

Тут толпа начала громко скандировать имя князя так, что у меня голова пошла кругом. Когда это шумное и безудержное бесчинство закончилось, оратор продолжил: “Высшие силы избрали князя Бориса Верховным Жрецом и Оракулом нашего культа, и его действия были безупречны во всём: в проводимых им ритуальных посвящениях Бахусу и Приапу, которые он любил устраивать часто и истово, в экономике, во внешней и внутренней политике Руси времён его княжения - буквально во всём явственно виден был след исполинского Фаллоса. Он оказался единственным из достойнейших, кто сумел, не отклоняясь ни на шаг, синхронизировать целое государство с дионисийским началом всего сущего в Реальности. Сейчас нам предстоит вкусить дары величия животворящих сил - священный напиток кикеон. И да откроет князь Борис ваши глаза, очистит уши ваши и вложит в сердца ваши осколок своей благочестивой крайней плоти.”

Кикеон оказался терпким и пощипывал приятным мятным холодком. Когда весь кикеон был выпит всеми культистами, мы принялись водить хороводы вокруг мемориала Пихтина. Танец

завораживал. Он то ускорялся, то замедлялся, то мы разбегались врассыпную, то собирались вновь, чтобы делать всё новые и новые движения. Руководил нами тот самый оратор с плащами - он так и не удосужился представиться по имени.

Оратор сказал, что выполняемые нами движения направлены на накопление личной силы, и что её должно быть достаточно для того, чтобы Оракул Фаллоса, то есть князь Борис, ожил во плоти и заговорил с нами. Постепенно я почувствовал, что сливаюсь с толпой культистов в единый неразрывно взаимосвязанный то ли организм, то ли механизм, и каждого из нас уже невозможно было выделить по отдельности. По получившемуся хтоническому монстру прокатывались периодические волны, словно бы руководствуясь некими неведомыми импульсами, приходящими извне.

Внезапно, культист с плащами, не назвавший своего имени и единственный среь всех нас, не пивший кикеон, неожиданно произнёс: “Всё теперь мы готовы видеть дубль Бориса Пихтина, пришедшего к нам из мира сновидений!”

И действительно, когда мы остановились и начали пристально вглядываться в очертания памятника, то тот словно бы оживал, его черты менялись, плавно перетекая одна в другую и мерцая переливчатыми красками. Буквально через пару минут над каменным схематичным изображением Пихтина, как бы “всплыла” его ожившая проекция.

В этот самый момент я понял, что если прислушаться, то проходящие по памятнику волны имеют вполне осмысленное звучание. Это был голос князя! Правда, он был очень неразборчив, но, при желании, можно было догадаться о смысле его слов: “Ооие оияе! Сеоо, в ээ необыкоеоо агный я ея ень хаху хахатъ футъ ооше оих ишых оф, ем оою оычхо...” Ну и так далее и в таком же стиле - вслушиваться в вибрации эманаций, исходящих от памятника было действительно утомительно. Монотонная неразборчивая речь памятника убаюкивала, и, в конечном итоге, я заснул у подножия терема, наблюдая, как по гирляндам, тончайшими паутинками натянутым между звёздами, скатываются цветные капельки огоньков...

Когда я проснулся, было ещё темно, а оратор произносил очередную длинную речь, такую же монотонную, как у памятника. До меня долетели обрывки его слов: “...тапом станет инициация. Вы все должны будете пройти через портал в другое измерение - мир Фаллоса. Прохождение через Портал - символ очищения ваших Врат Восприятия, отказа от старого похода к миру, от всего старого. Отныне - мы - ваша

единственная и самая надёжная семья! Не каждый способ...”

Тут я снова уснул, а когда проснулся, то понял, что меня везут куда-то на телеге. Вскоре и впрямь показался портал - выстланная брусчаткой дорожка поднималась к монументального вида вратам, за которыми виднелись по ту сторону деревья и какие-то скальные нагромождения. Выстроившись друг за дружкой, культисты принялись неспешно идти через Портал.

Я же, ухмыльнувшись, накинул капюшон поглубже и зашагал в противоположном от Портала направлении. Кто знает, что ещё он может таить и когда бывает открыт? Быть может, именно поэтому я сейчас - единственный свидетель культовых мистерий Фаллоса имени Бориса Пихтина, проводимых в Сверлограде - единственный из тех, кто сумел изложить увиденное на бумаге. И кто может сказать, сколько будет ещё Оракулов Фаллоса среди Великих Князей на Руси?

*Белоусов Роман,
20 июля 2014 года.*